

А. С. Скрипкин

ОБ ОДНОМ ПОЛЕМИЧЕСКОМ ЭПИЗОДЕ В КНИГЕ М. Б. ЩУКИНА “НА РУБЕЖЕ ЭР” (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1994)

Книга М.Б.Щукина, название которой приведено в заголовке статьи — заметное явление в археологической литературе последних лет. Поражает охват материала, обилие поднятых проблем, синтез разноплановых источников, над которыми работают десятки исследователей.

В настоящей публикации я не ставлю перед собой задачу сколь-нибудь полной оценки книги. Хочу только остановиться на одном частном вопросе, касающемся хронологии сарматских культур восточноевропейского ареала. Эта тема в книге М.Б.Щукина не относится к числу главных, что и нашло отражение в подзаголовке раздела, в котором об этом идет речь: “Несколько замечаний о хронологии Восточной Европы” (Щукин 1994: 57, 58).

В этом разделе М.Б.Щукин кратко высказался в отношении некоторых моих работ, в которых я пересматриваю даты окончания раннесарматской и начала среднесарматской культур и отношу это событие к рубежу эр. Оценив эту попытку как положительную, он вместе с тем высказал ряд замечаний, которые по его мнению не дают возможности полностью принять мою идею. Основное внимание М.Б.Щукин обратил на фибульный материал, который я использовал в своих работах. Он вполне справедливо отмечает, что большинство среднелатенских фибул из раннесарматских погребений дошли до нас в обломках, что затрудняет определение их типа и соответственно более точной даты. Только две из них, тип которых не вызывает сомнений, можно отнести к концу II - первой половине I в.до н.э. (Щукин 1994: 57). Я полагаю, что и остальной

“фибульный лом” датируется примерно тем же временем, по крайней мере это II в.до н.э., но никак не III-II вв.до н.э., как обычно датировались эти памятники раньше.

По отдельным деталям фрагментированные фибулы среднелатенской схемы из сарматских погребений Азиатской Сарматии скорее всего относятся к их поздним вариантам. Они, например, близки серии среднелатенских фибул из Беляусского могильника. На мой взгляд, датировка сарматских погребальных памятников по отдельным импортным фибулам может заключать в себе возможность ошибки в связи с запаздыванием их попадания на периферию, долгого употребления в быту. В отношении среднелатенских фибул не исключена возможность их местного производства теми же сарматами или городами Северного Причерноморья. Тем интересней попытка Б.Ю.Михлина определить независимые даты для среднелатенских фибул Беляусского могильника, по сопровождающим вещам. В результате он пришел к выводу, что среднелатенские фибулы со скрепленной ножкой начинают появляться там с конца II в.до н.э., основное же время их распространения - начало - первая половина I в.до н.э., отдельные экземпляры встречаются и во второй половине I в.до н.э. (Михлин 1980: 199).

Я не могу согласиться с М.Б.Щукиным, что бытование во второй половине I в.до н.э. фибул, типа обнаруженной в погребении 3 кургана 27 Калиновского могильника (Рис.1/1), уже проблематично. Такие фибулы во многих памятниках Западной Европы известны в гораздо более позднее время. Элизабет Эттлингер, относившая эту среднелатенскую конст-

рукцию к типу 3 (Fibel mit zuruckgelegtem Fuss) (Рис.1/8), отмечала, что по материалам Швейцарии такие фибулы встречаются вплоть до 40 г.н.э. (Ettlinger 1973: 28). По английским и отдельным находкам материковой Европы Рихард Хеттатт датирует этот тип фибул (Рис.1/9) с конца II в.до н.э. по середину I в.н.э. (Hattatt 1987: tabl.4). Эмилия Риха, опубликовавшая фибулы из Римского музея Аугет в Швейцарии, относила аналогичные калиновской экземпляр к типу 1.4 (Fibeln vom Mittellateneschema) (Рис.1/5-7), поясняя, что в этот тип она включила те фибулы, которые до нее Альмгрен относил к I типу, Эттлингер - к 3, Хофхейм - к типу Id, Костшевский - к варианту А. Ссылаясь на ряд авторов, которые считали возможным датировать эти фибулы временем до середины I в.н.э., она отмечала, что конечная дата среднелатенских фибул со скрепкой из Аугет по взаимной встречаемости с керамикой может быть отодвинута к концу I в.н.э., так как известны случаи нахождения их в послеклавдиевское время (Richa 1979: 56). Мишель Фойжер аналогичные фибулы выделяет в тип 3В1 (Рис.1/2-4) и считает, что в Галлии они встречаются на протяжении большей половины I в.н.э., вплоть до времени правления Веспасиана (Feugare 1985: 196).

Вероятно, этот тип фибул среднелатенской схемы со скрепленной ножкой и нижней тетивой являлся одним из наиболее поздних. На заключительной стадии он практически существовал с ранними типами лучковых фибул Восточной Европы. В северопричерноморских памятниках, по крайней мере у сарматов, среднелатенские фибулы существовали преимущественно до начала новой эры, поскольку примерно с рубежа эр они начинают здесь интенсивно вытесняться лучковыми фибулами, которые, как принято считать, сложились на основе среднелатенских конструкций. В Западной Европе благодаря мощным латенским традициям фибулы рассматриваемого типа сохраняются, видимо, гораздо дольше.

Что касается фибулы из сарматского кургана 2 могильника Первомайский X, то М.Б.Шукин прав, она действительно относится к типу "Алезия", вероятно, позднего варианта. Я относил ее раньше к типу "Ауцисса". Эти два типа связаны между собой, фибулы "Ауцисса" являются дальнейшим развитием фибул типа "Алезия". Последние датируются преимущественно второй половиной I в.до н.э., первые -

концом I в.до н.э. - первой половиной I в.н.э.. Однако возможны случаи встречаемости фибул типа "Алезия" в начале I в.н.э., что отмечает и М.Б.Шукин (Шукин 1989: 65). Кроме того, единственное погребение с фибулой этого типа в Волго-Донских степях - это не кельтский оппидум Алезия. Когда эта фибула попала в сарматское погребение междуручья Волги и Дона - это еще вопрос, особенно когда счет идет на десятилетия, - то ли последние десятилетия до н.э., то ли первые десятилетия н.э. К тому же следует отметить, что фибула из Первомайского носила следы сильной изношенности, вероятно от периодической ее чистки, что свидетельствует о долгом употреблении в быту. Так что в данном случае можно допустить ошибку, датируя первомайское погребение непременно второй половиной I в.до н.э..

Справедливости ради следует сказать, что погребение в Калиновском могильнике весьма невыразительно в плане отнесения его к ранне- или среднесарматской культуре. Первомайское погребение по таким признакам, как одно погребение под насыпью, лощеный гончарный кувшин, должно быть среднесарматским (Рис.1/10-13).

Говоря о нахождении фибул в сарматских памятниках следует все же отметить, что до сих пор не отмечено ни одного случая нахождения среднелатенских фибул в определенно среднесарматском погребении, что при датировке начала самой культуры I в.до н.э. или даже концом II в.до н.э. должно было быть. Ведь находки фибул очень часты в погребениях среднесарматской культуры, но они других конструкций и датируются пока временем не ранее I в.н.э. Фибулы же среднелатенской схемы известны только в погребениях раннесарматской культуры.

Значительным аргументом в пользу омоложения раннесарматской культуры свидетельствует нахождение в последнее время в ее погребальных комплексах лучковых фибул. На реке Иловле в курганной группе Петрунино П.И.В.Сергацковым было раскопано два раннесарматских погребения, в одном из которых была найдена целая железная лучковая фибула, во втором - фрагмент бронзовой фибулы с подвязным приемником, которая по мнению автора раскопок близка верхнеднепровской серии подвязных фибул, но не исключено, что она относится к тому же типу, что и

первая фибула. Она небольших размеров, что весьма типично для ранних лучковых фибул (Сергацков 1995: 148-157, рис.4/4, 6/5). Но независимо от типовой принадлежности фибулы, она не может убедительно быть датирована временем ранее I в.н.э.. Оба погребальных комплекса как по разнообразному вещественному материалу, так и по обряду являются типично раннесарматскими. Любой специалист по сарматской археологии, основываясь на традиционных представлениях о датах сарматских культур, отнес бы эти комплексы, если бы в них не было фибул, к III-II вв.до н.э. А.К.Амброз датировал такие фибулы первой половиной I в.н.э., отнеся их к первому варианту своей классификации лучковых (Амброз 1966: 48). В упоминавшемся Беляусском могильнике обнаружено 15 фибул этого варианта, большая половина которых изготовлена из железа. Б.Ю.Михлин склонен был датировать их также первой половиной I в.н.э., не исключая возможности появления таких фибул в конце I в.до н.э. (Михлин 1980: 205). В целом же лучковые фибулы с подвижным приемником более поздние, чем среднелатенские, их широкое распространение приходится в сарматских памятниках на I-III вв.до н.э.

Я не склонен безоговорочно утверждать, что раннесарматская культура просуществовала вплоть до середины I в.н.э., по той причине, что, возможно, первые образцы подвижных фибул появляются в кочевой среде, и петрунинские фибулы являются одними из наиболее ранних находок. И если прав был Б.Ю.Михлин, то они могли относиться к концу I в.до н.э., или, по крайней мере, ко времени близкому к рубежу эр. Подтверждением тому может служить и такое наблюдение, беляусский вариант подвижных фибул практически не представлен среди фибул этого типа в таком памятнике как некрополь Кобяковского городища. В целом кобьяковские фибулы (вариант I по В.М.Косяненко) отличаются большим совершенством формы, они крупные и все изготовлены из бронзы (Косяненко 1987: 51-53). Для ранних образцов лучковых фибул, как беляусских, так и сарматских, характерны несколько иные пропорции и значительное их число изготовлено из железа. Поскольку начало функционирования Кобяковского городища и некрополя относится к началу I в.н.э. и на рубеже эр их еще не существовало (Безуглов, Гугуев 1988: 22; Косяненко 1989: 36-

40), время бытования ранних лучковых фибул Беляусского могильника и обнаруженных в раннесарматских погребениях не совпадает с началом жизни на Кобяковском городище. Судя по всему, этот вариант лучковых фибул может быть датирован временем конец I в.до н.э. - начало I в.н.э.. Видимо, в рамках этой даты мог происходить переход от раннесарматской культуры к среднесарматской, так как лучковые фибулы того же варианта, что и петрунинские, встречаются и в погребениях среднесарматской культуры (Скрипкин 1977: 105).

Из прочтения упомянутого раздела книги М.Б.Шукина может создаться впечатление, что разработка проблем хронологии сарматских культур строилась мной исключительно на фибульном материале. Это не так. Хотя фибулы - это, бесспорно, одна из наиболее точно датированных категорий находок в сарматских комплексах, но не единственная.

В двух раннесарматских погребениях (Алитуб, курган 3, погр.20 и Косика, погр.2) были обнаружены бронзовые сковороды типа "Айлесфорд", являющиеся итальяским импортом (Шилов 1975: 142; Дворниченко и др. 1984). В свое время В.П.Шилов, основываясь на хронологических построениях Г.Виллера и А.Радноти, относил начало изготовления таких сковород ко II в.до н.э., с возможным их существованием до середины I в.до н.э.. Однако более новые хронологические разработки Й.Вернера, Й.Грауэ, Х.Эггера позволяют определить время производства и существования сковород типа "Айлесфорд" с начала по конец I в.до н.э. (Raev 1986: 16, 17). В последнее время в западной литературе отмечается тенденция отнесения существования этих сковородок к еще более позднему времени, к 50-20 гг.до н.э. (Raev 1994: 348).

В большей степени, вероятно, прав Р.Петровский, исследовавший бронзовую посуду римского времени с клеймами, отнеся время существования сковородок типа "Айлесфорд" к 100-10 гг.до н.э. с наивысшим их распространением с 80 до 30 гг.до н.э. (Petrovsky 1993: 138). Оба эти погребения с выраженным раннесарматским набором вещей могут быть строго датированы I в.до н.э., причем не самым его началом. Сковородка, например, из Алитуба попала в сарматское погребение спустя много лет после своего изготовления, так как носила следы сильной изношенности и ремонта.

Кроме того, проблема определения дат ранне- и среднесарматской культур рассматривалась мной на широком фоне общих процессов, связанных с их развитием и становлением. Это и анализ более чем тридцати среднесарматских погребений эпонимного памятника, - Суловского курганного могильника, - с позиции определения их времени. В результате оказалось, что ни одно из них не может быть убедительно датировано ранее I в.н.э. Мной были рассмотрены вопросы, связанные с датировкой диагональных погребений, которые являются одной из ярких черт среднесарматской культуры. Значительный вещественный материал: фибулы, импортная посуда, наборы бус и другие категории находок свидетельствуют, что этот обряд широко практиковался сарматами в первые века н.э., вплоть до III в.н.э.. Была также проведена хронологическая синхронизация раннесарматской культуры Азиатской

Сарматии с памятниками Северного Кавказа, Средней Азии, Украины, которая подтвердила, что и на этих территориях многие элементы, характерные для раннесарматской культуры, сохраняются в большинстве своем до рубежа эр (Скрипкин 1990; 1992; 1992а).

Формирование культур - одна из сложнейших проблем в археологии, в этом плане сарматская культура не исключение. Особенности перехода от раннесарматской к среднесарматской культурам еще достаточно не изучены. Здесь я этого вопроса не касаюсь, я хотел только определить даты наиболее поздних комплексов раннесарматской культуры, которые обозначают окончание и самой культуры и соответственно начала уже очевидно сложившейся среднесарматской культуры. Полагаю, что могучим двигателем к разрешению этих проблем является научная дискуссия.

Список литературы

- Амброз А.К. 1966 - Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966. - САИ. Вып. Д1-30.
- Безуглов С.И., Гугуев В.К. 1988 - Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I-III вв.н.э. (структура и эволюция погребального обряда). // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1984 - Отчет о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с.Косика // Архив ИА РАН. Р-1. № 10879.
- Косяненко В.М. 1987 - Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. № 2.
- Михлин Б.Ю. 1980 - Фибулы Беляусского могильника. // СА. № 3.
- Сергацков И.В. 1995 - Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. № 1.
- Скрипкин А.С. 1977 - Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2.
- Скрипкин А.С. 1990 - Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Скрипкин А.С. 1992 - Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, дисс. на соиск. уч. степени докт. ист. наук. М.
- Скрипкин А.С. 1992 - Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.
- Шилов В.П. 1975 - Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Шукин М.Б. 1989 - Фибулы типа "Алезия" из Среднего Приднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже новой эры // СА. № 3.
- Шукин М.Б. 1994 - На рубеже эр. СПб.
- Ettlinger E. 1973 - Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern.
- Feugere M. 1985 - Les fibules en Gaule Meridionale de la conquete a la fin du Ve siecle apres J.-C. // Revue Archeologique de Narbonnaise. Supplement 12. Paris.
- Hattatt R. 1985 - Iron Age und Roman brooches. Oxford.
- Petrovsky R. 1993 - Studien zu römischen Bronzefassen mit Meisterstempeln. // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. Band 1.
- Raev V.A. 1986 - Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford.
- Raev V.A. 1994 - Bronze vessels of the late La-Tène-Period from Sarmatia. // Akten der 10 Internationalen Tagung über Antike Bronzen. Freiburg, 18-22. Juli 1988. Stuttgart.
- Riha E. 1979 - Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst.

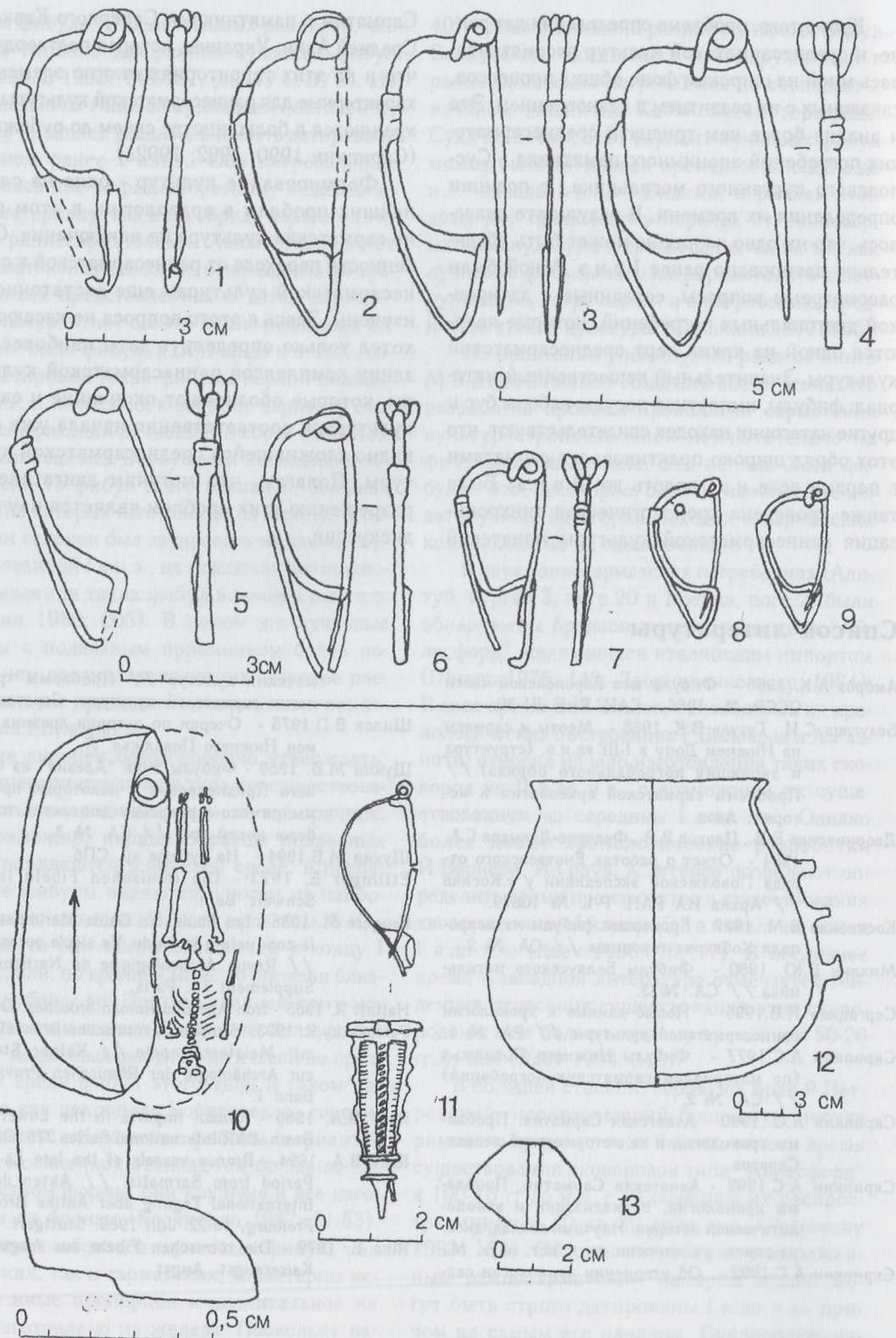

Рис.1. 1 - Калиновка к.27 п.3; 2-4 - тип ЗВ1 по М.Feugere; 5-7 - тип 1.4 по Е.Riha; 8 - тип 3 по Е.Ettlinger; 9 - La Tene II по R.Hattatt; 10-13 - план погребения и вещи из погребения кургана 2 могильника Первомайский X (по материалам раскопок В.И.Мамонтова).